

А. Харитановский

„КАК Я РАД, ЧТО ТЫ ЖИВОЙ“

Рис. В. Петрова

Мы возвращались из бухты Завойко. Чаша Авачинской губы, окаймленная грядой заснеженных сопок, сияла черноморской лазурью. Наш катер вспарывал эту лазурь, и она завивалась игривыми барашками.

Приближался Петропавловск.

Катер свернул к бухточке, каких в Авачинской губе множество, и направился к пирсу.

Когда подошли, оказалось, что это полузатопленный корабль без мачт и надстроек. Мой попутчик капитан третьего ранга Василий Васильевич Кокуркин терпеливо ждал, когда я по веревочному трапу заберусь на этот причал.

И уже на палубе спросил:

— Вы знаете, где находитесь?

— То есть как?

Вместо ответа Василий Васильевич процитировал:

Здравствуй, Нетте!

Как я рад, что ты живой.

И добавил:

— Мы идем по той палубе, где ходил Маяковский, и по тому пароходу, который назывался «Теодор Нетте»...

Пока я изумлялся, моряк заметил:

— Но это пока догадки. Надо доказать, что это именно тот «Теодор Нетте», о котором писал Маяковский...

Товарищи из аварийно-спасательной службы, к которым я обратился в надежде разузнать что-либо о корабле-пирсе, вспомнили лишь, что лет семь назад на нем был пожар и бумаги, что хранились, сгорели.

— Вы поговорите со старшиной Иваном Григорьевичем Козорезом, — посоветовал один.

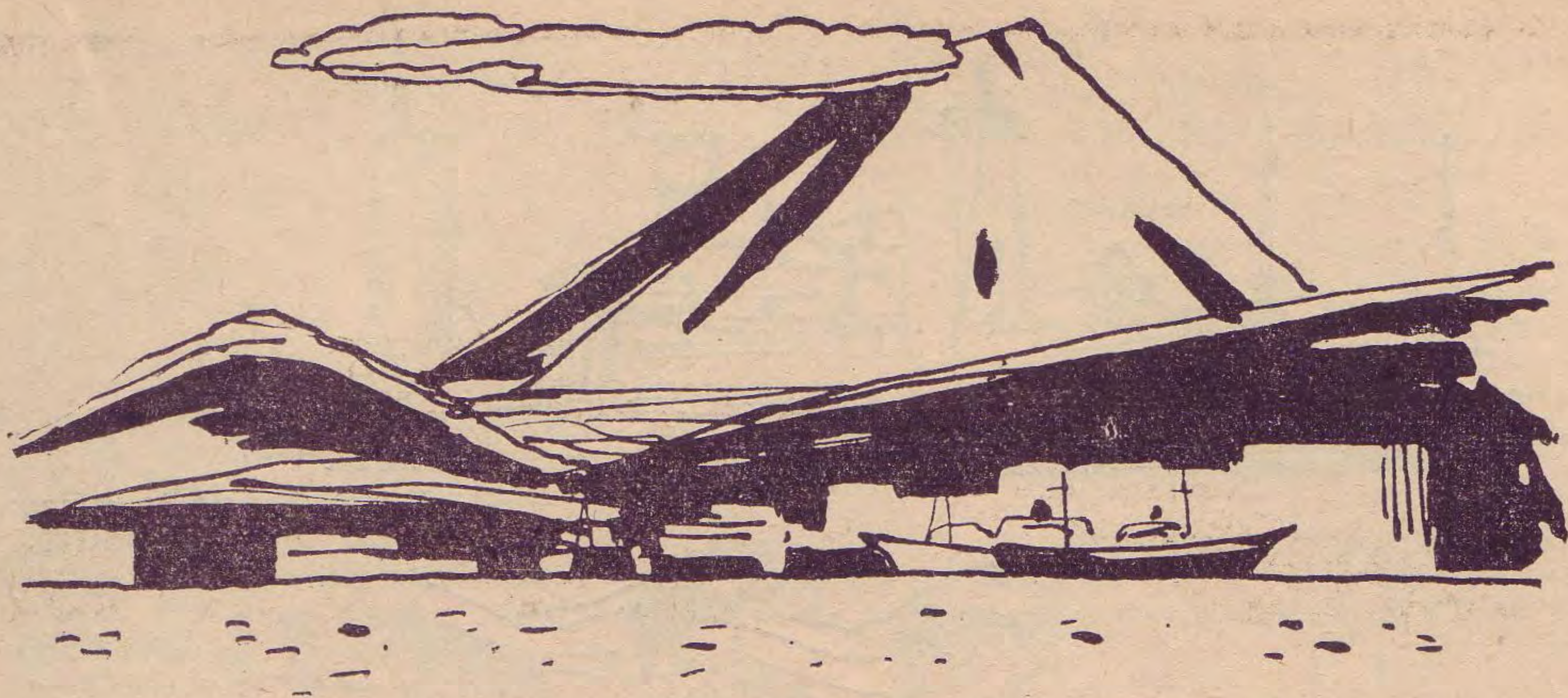
Разыскали Козореза.

Среднего роста, смуглый моряк глядел на меня удивленно.

— Не верите, что это настоящий «Нетте»? Я служил на нем. Могу назвать последнего командира. Капитан-лейтенант запаса Александр Ефимович Поздняков. Он демобилизовался после сдачи корабля...

Многое вспомнил старшина Козорез. Вскоре Иван Григорьевич принес сверток. Развернул — «Судовое свидетельство».

На плотной пожелтевшей бумаге величиной с газетный лист под государственным гербом значилось: «Судно «Теодор Нетте», бывшее «Тверь», бывшее «Сорно», принадлежит Дальневосточному управлению Морского флота «Мор-

флот». Время и место постройки — 1912 год, Петербург, Невский судостроительный завод. Судно внесено в судовой реестр управления Владивостокского порта под номером 520 от 28 апреля 1933 года». И подпись начальника порта.

На втором документе — «Мерительном свидетельстве» — сообщались размеры корабля: длина корпуса — 87,23 метра. Рулетка легла точь-в-точь. Значит, это та самая «Тверь», затем «Сорно», ну и, главное, «Теодор Нетте», судьба которого связана с дорогими именами — Владимира Маяковского и Теодора Нетте, революционера, комиссара отважного батальона латышских стрелков в гражданскую войну, а позже дипломатического курьера...

Оказалось, что в Петропавловске живет и здравствует бывший водолаз с «Нетте», мичман в отставке Яков Яковлевич Ганич, а рядом, в Магадане, — на севере тысяча километров не расстояние — старший помощник капитана корабля Павел Илларионович Федоров...

* * *

В первых числах сентября 1930 года в бухту, носящую имя русского моряка и картографа Нагаева, первым составившего карту устья Колымы, вошел пароход. На его палубе стояли прикрепленные тросами тракторы, в трюмах лежали тысячи пудов разнообразных грузов.

Моряки глядели на вставшую из тумана угрюмую землю. Над бухтой царственно вздымался зубчатый гранитный кряж.

— «Монгодан», — задумчиво заметил сопровождавший груз геолог, — по-эвенкиски значит «Морские утесы».

На берегу забегали люди. Они выскакивали из палаток, приземистых, наспех сколоченных домиков, расположенных среди низкорослого ольховника. Кое-где торчали одинокие стволы высоких лиственниц. Их обшарпанные северными ветрами кроны росли в одну сторону, на юг... туда, откуда пришел этот нарядный белый корабль.

Вот уже можно прочесть на борту название «Теодор Нетте» и порт приписки — «Одесса».

Через день подошло еще одно судно — зафрахтованный китайский пароход «Дашинг», с которым, кроме партии золотоискателей, прибыли учителя, служащие — энтузиасты освоения Севера.

...Вечерами в культбазе АКО — так сокращенно называлось Акционерное Камчатское общество — встречались моряки с геологоразведчиками.

Моряки с «Нетте» в темно-синих нарядных костюмах всегда были в центре внимания. И понятно. Еще не забылось подлое нападение белобандитов на советского дипкурьера Нетте, ценой жизни отстоявшего важные документы, и совсем была свежа рана от потери Владимира Маяковского.

Группа рабочих окружила старпома Федорова.

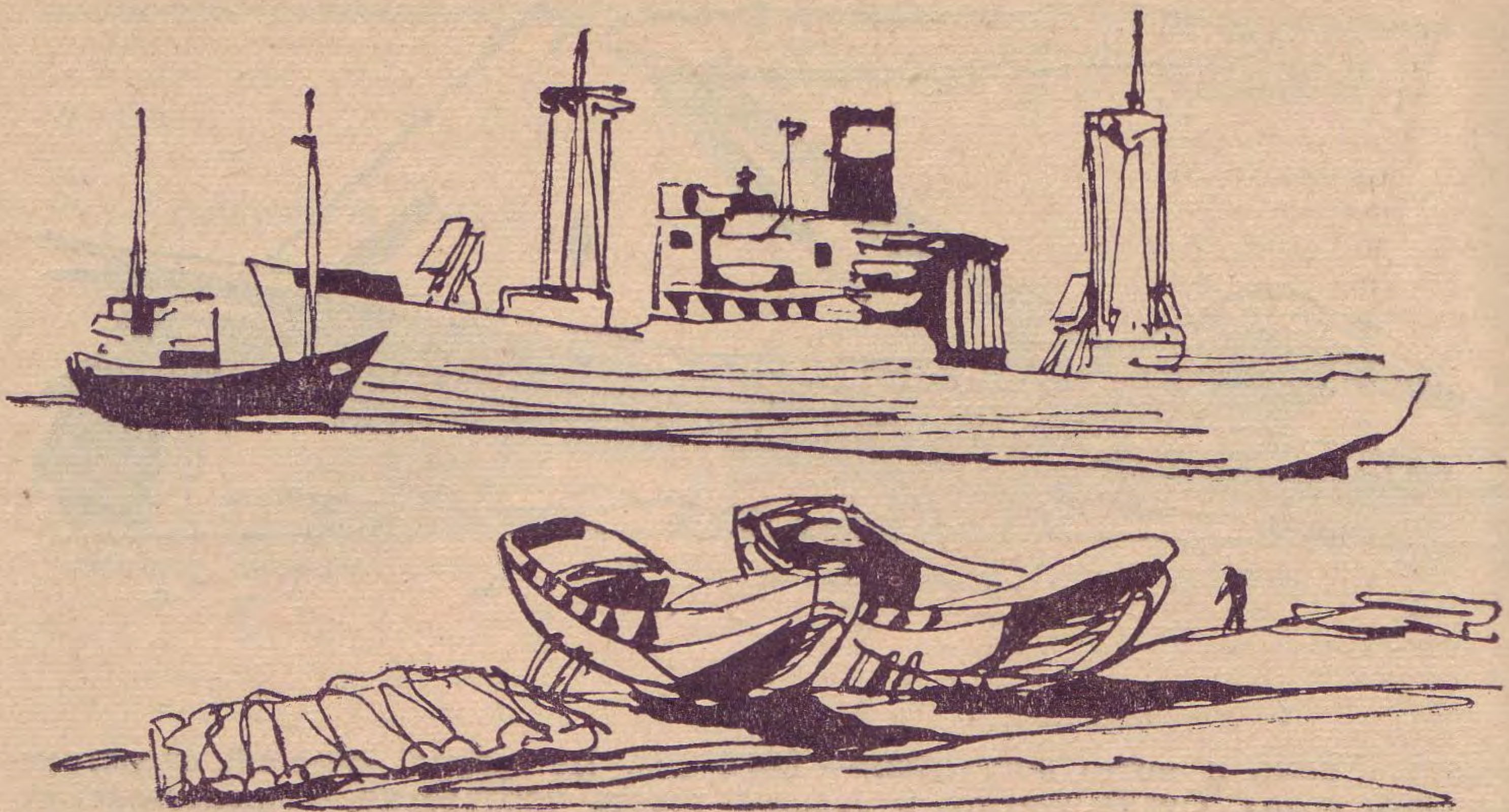
— А Маяковский бывал у нас?

— Да, в двадцать второй каюте жил.

— А стихи читал?..

Через несколько дней «Теодор Нетте» ушел. На «Каменном венце» — так поэтически называется горный кряж, часовой на подходе к нынешнему Магадану, — алело выведенное на граните суриком аршинное «НЕТТЕ». Говорят, что надпись эта сохранилась до сегодняшнего дня.

Первый северный рейс «Теодора Нетте» знаменовал начало его работы на

Дальнем Востоке. Вскоре походы на охотское побережье, на Камчатку и еще севернее — на Чукотку, стали для него, южанина, таким же обыкновением, как раньше Одесса — Батуми.

Возил он лес на Командоры
И почту в дальний Анадырь, —

поется в песенке, сочиненной кем-то из экипажа «Нетте».

Корабль стал коренным дальневосточником, но сохранил славную черноморскую традицию: новичок в команде обязан был знать не только историю корабля, но и стихотворение «Товарищу Нетте — пароходу и человеку»...

Однажды «Теодор Нетте» шел в бухту Лаврентия. На его борту находилось несколько чукотских семей. Они стойбищем провожали детей в школу-интернат Первой Чукотской культбазы Комитета Севера при ВЦИКе — так торжественно назывался крошечный поселок на берегу Берингова моря.

...Это случилось на полпути. Прибежавший на мостик матрос сообщил, что одна чукчанка заболела. Судовой врач торопливо направился в пассажирские каюты.

Через минуту сказал:

— Роды, обыкновенные роды, — и дал указание подготовить помещение для роженицы.

Чукчанка благополучно разрешилась двойней.

Через день она уже хлопотала возле своих близнецов, завернутых в «приданое», которое наспех приготовили моряки из одеял, простыней и даже фланелек.

Перед тем как сойти на берег, отец близнецов пришел к капитану. Он долго толковал о достоинстве товаров, которые привез для охотников пароход, и только после пятого стакана чая сказал:

— Товарис капитан, знаес. Ребят, однако, назвать надо. Сейчас бы...

И чукча изложил просьбу сородичей. Они просили назвать ребят; мальчика Теодором, а девочку — Нетте.

По морским законам полагается, если человек родился в море, то отмечать это чрезвычайное событие в вахтенном журнале, основном документе корабля. Родителям же выдается справка-выписка. Капитан был как раз занят сочинением такой бумаги.

— Пожалуй. Я уверен, что никто на корабле не будет возражать против таких крестин. Значит, так и впишем, — и капитан снова взял перо.

— Приходи, чай пить будем, — тряс моряку руку обрадованный отец...

* * *

С началом Великой Отечественной войны «Теодор Нетте» надел военный мундир. Его покрасили в серо-голубой цвет и присвоили звание — минный заградитель. Корабль ставил мины, проводил караваны. Послужило судно и плавбазой для подводных лодок.

Но время брало свое, корабль старился. И зимой 1953 года, после свирепого шторма, когда героическими усилиями моряков «Нетте» был спасен, командование Тихоокеанского флота решило отправить его на покой, поставить на якоря.

Ему доверили еще один, последний, рейс в Петропавловск.

...«Теодор Нетте», разламывая крутую волну, шел на вечную стоянку. Трепыхало на встречном норд-осте бело-голубое полотнище военно-морского флага СССР, перенесенное, как в боевом походе, с кормы на гафель. Команда — матросы и офицеры — несла службу в парадной форме.

Корабль блестел. Надраены до горения бронзовые и латунные детали, сияют свежестью надстройки, палуба... Невдалеке идут другие корабли. Они выстроены в кильватер «Нетте» и тем самым отдают ему дань сыновнего уважения и попутно оберегают его.

Пятого ноября 1953 года, в канун годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, «Нетте» вошел в бухточку.

— По местам стоять, на якорь становиться! — прозвучала команда.

Загремели якорные цепи.

— Смирно!.. Флаг спустить!..

Были заглушены топки. Снята аппаратура. Водолазы начали вместе с палубной командой боцмана Козореза готовить корабль к затоплению.

Так стал «Нетте» пирсом для вспомогательных судов аварийно-спасательной службы.

В музее боевой славы Петропавловска-Камчатского на видном месте недавно установлена большая экспозиция. Она посвящена «Теодору Нетте». Сюда переданы найденные документы, фотографии из истории славного корабля. Перенесены в музей часть форштевня и иллюминатор из каюты № 22, где бывал Владимир Маяковский. Память о корабле, который, как и сам Нетте, до последнего дыхания служил Родине, увековечена.

...Мы снова у «Нетте». Медлительные сизые волны плещутся у самых иллюминаторов. С подветренной стороны на швартовых тросах покачиваются суда... Еще одно приближается с задраным плоским носом. Это судоподъемная баржа. У руля Иван Григорьевич Козорез. Вот так же я ждал его в день нашего знакомства. Экипаж баржи тогда выручал маленькое рыбачье суденышко. Работы шли нормально, пока от резкого удара волны не отлетели крепления подъемного крана. Стрела начала вращаться, креня баржу. Еще удар — и переворот кверху дном, «оверкиль». Но Козорез метнулся под кран. Рискуя жизнью, он поймал отскочившую оттяжку и, балансируя над волнами, закрепил ее. Стрела замерла, судно выпрямилось...

Баржа прислонилась к «Нетте». Ловко заведены швартовы. Спасатели один за другим поднимаются на палубу. Лица сосредоточенны. Прошли, печата шаг обутыми в тяжелые сапоги ногами. И мне показалось, что железная палуба «Нетте» прогудела вслед:

В наших жилах —
кровь, а не водица.

